

В музее колхоза имени Ленина второй год ведется работа по созданию «Книги памяти». Эта книга расскажет потомкам о каждом из трехсот семидесяти воинов, которые ушли из деревень Холязинского сельсовета защищать Родину в годы Великой Отечественной. Ушли и не вернулись...

Сегодня редакция предлагает читателям заглянуть в материалы для книги, которые собирает директор музея Людмила Александровна Лепешова. Благодаря ей мы прикоснемся к памяти двух крестьянских сынов — Павла Васильевича Школьного и Константина Павловича Шахляева.

есть даже кожаные ботинки. И дальше Шура взяла поводья и все-таки еще раз решили бежать, они поехали в Работки. терпеть издевательства и побои На пристани—плач, стон, истошные крики женщин, горькие озверелых фашистов больше не песни и пляски под гармошку. было сил. Мой товарищ Павел Васильевич так ослаб от голода и Столько горя людского приняла побоев, что не мог больше вы- на свою грудь матушка Волга! полнять даже более легкую работу.

Однажды нас погнали пилить дрова, а сил у него уже не было. Тогда взбесившийся конвоир у нас на глазах в упор из автомата расстрелял его. Это было 23 марта 1945 года».

Месяц и девять дней не дожидаясь солдат до Победы. А он так любил жить!

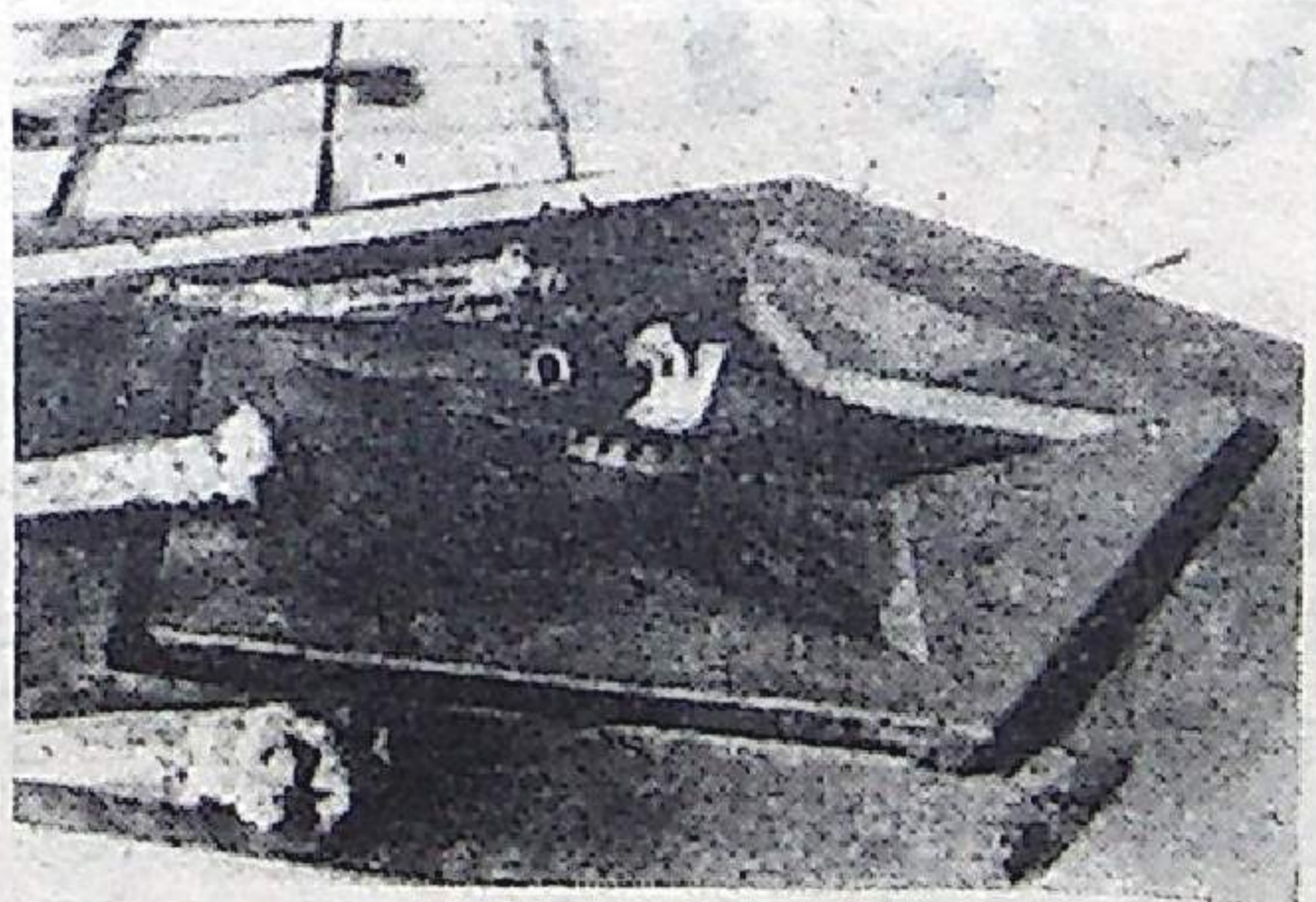
В суматохе еле успели проститься. Куда-то пропали самые нужные слова, все—невпопад. Последние объятия и слезы... Прощальный, протяжный, рвущий на части сердце гудок парохода... Только и помнит Александра Сергеевну до сих пор его слова: «Береги себя, Шура!..»

Как доехала она назад до села, Шура не помнит. На сердце было пусто. А под сердцем... под сердцем шевельнулся, требовательно напоминая о себе, ребенок. Во имя этой новой жизни и надо было жить и все перенести.

Потянулись тоскливые в своем однообразии дни. Проходили они в изнурительном до изнеможения труде да в ожидании письма—весточки от мужа. Первый треугольник пришел с московской дороги, всего несколько строчек: сообщил, что в Горьком не задержались, едут на фронт. Второе письмо от 22 августа 1941 года пришло из-под Тулы. Муж известил, что прибыл на «место», что 24 августа—в бой...

Больше писем не было. Надеялась, ждала, но так и не дождалась—«пропал без вести».

Девять дней дороги и один бой—и не стало солдата, не стало сына у матери, мужа у жены, отца у сына... Да, сынок, Костик, родился 20 октября. Он был очень похож на своего папку, только вот глаза карие, а у отца были очень серые...

С верой в невозможное

Он любил жизнь

В 1929 году в Тынове был организован колхоз. Дали ему название «Ударник». Вступать в него или нет? Никаких сомнений на этот счет у Павла Школьного не было. Они с женой Нюрой давно уже все хорошенько обговорили и знали наперед: хуже, чем жилось до сих пор, все равно не будет.

Они первыми свезли на общий двор свою лошадь с жеребенком, свезли в колхоз весь конный инвентарь — и стали работать сноровисто да прилежно. И дома по хозяйству надо было поворачиваться, потому что растили Школьные пятерых детей. Пять ртов прокормить надо, одеть, воспитать... не шутка!

Но не унывал Павел Васильевич, не жаловался на жизнь. Ха-

рактером был он мягкий, покладистый. И очень любил детей, был с ними добр и ласков, улыбка да весел. И дети своего отца любили. А уж как бывало запоет он песню—а голос чистый, красивый! — заслушивались все. Песен он знал много, а больше других любил революционные.

Случилось ему в Горьком на квартире у шурина встретиться с режиссером оперного театра. Тот услышал, как Павел поет, и был поражен красотой его голоса. Пригласил в театр на прослушивание, а потом настоятельно рекомендовал учиться пению, стать профессиональным певцом. Но... куда поедешь от большой семьи! А мечта в душе осталась...

22 июня 1941 года грянула война. В том же месяце Павел Васильевич ушел на фронт. И уже не вернулся. Всего два письма от него получили в Тынове. В первом сообщал, что участвует в ожесточенных боях, писать некогда, передавал всем поклон. А во втором наказывал: «Нюра, береги хлеб. Мы нагляделись, как голодают деги без хлеба».

А потом пришло известие: «пропал без вести». Как это понять! Жив ли? Убит ли? Где похоронен!—на эти вопросы никто не мог ответить. А сердце у Нюры не верило, подсказывало: жив... С этой верой она жила всю войну.

И вдруг с Урала—письмо, которое положило конец ее ожиданиям. Писал фронтовой товарищ Павла Васильевича...

Наизусть выучила это письмо солдатская вдова.

«...Мы трижды пытались убежать из плена, но все не удавалось. Работа в лагере тяжелая—до полной потери сил. Нас и за людей-то не считали. Когда Красная Армия подходила к Берлину, мы в концлагере подняли бунт. Потом нас жестоко пытали, морили голодом. Приходилось

«Береги себя, Шура!»

15 августа 1941 года... Этот день навсегда остался в памяти Александры Сергеевны Шахляевой. Помнит, как бежала она полевой дорогой, возвращаясь в Окинино из райцентра. На сердце у нее с утра лежала какая-то тяжесть, неосознанная тревога за мужа. Она-то и гнала ее к дому. Торопясь, вбежала по ступенькам крылечка, резко распахнула дверь... и замерла: свекровь у печи, умываясь слезами, стряпает лепешки—«подорожники». Пришел и Костин черед!»—с этой мыслью Шура переступила порог и без сил опустилась на лавку.

В тот же день окининские колхозники проводили своего бригадира Константина Павловича Шахляева на войну. Он сам запряг для себя лошадь. Простился с односельчанами у околицы, а

ОТ РЕДАКЦИИ:

Два солдатских имени, только два из огромного списка погибших... И две судьбы—такие разные и такие схожие. Оба числятся «пропавшими без вести», однако нам следует понять простую истину: нет пропавших без вести солдат, а есть защитники Родины, чья жизнь отдана на алтарь Победы над фашизмом.

Сбережение памяти о каждом из них—святой гражданский долг. Выполняя его, Л. А. Лепешова по крупицам собирает сведения о погибших: встречается с их вдовами и родственниками, записывает их воспоминания.

В колхозном музее мы видели десятки анкет, заполненных рукой Л. А. Лепешовой и ее добровольных помощников — учащихся средней школы. Есть и фотокопии с фотографий погибших солдат.

К сожалению, работа по созданию «Книги памяти» ведется медленно. В стороне от нее находятся комитет ВЛКСМ, а в последнее время и партком колхоза. Поэтому до сих пор остаются незаполненными две сотни анкет на погибших холязинцев, только в эскизах существует место, где будет храниться «Книга памяти». И даже в ходе подготовки к празднованию 43-й годовщины Победы никакого оживления в этом деле не было заметно.

А живых свидетелей, вдов солдатских, остается все меньше. Не опоздать бы к ним...

НА СНИМКЕ: П. В. Школьный.